

Мир диких животных и их образов в тувинских загадках

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Шенне В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Цель исследования — определить основные аспекты реализации и проблемы изучения системы номинаций животных (зоолексика) в загадках тувинского народа в лингвистическом и лингвокультурологическом планах. Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских загадок, а также примеры загадок из сборников и исследований тувинского фольклора.

Совокупность лексических единиц в загадках — это специфическая в собственно лингвистическом и в лингвокультурном аспектах подсистема тувинского языка и фольклора. Фаунистическая лексика представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе языка, центральное место в которой занимают наименования животных. В этой связи наиболее актуальным (и наиболее трудным) является комплексное исследование системы названий объектов животного мира в загадках, репрезентирующей как универсальные свойства фаунистической лексики, так и своеобразие анималистической концептосферы в этноязыковой картине мира тувинцев.

В статье рассматриваются два основных аспекта реализации зоолексем — как компонентов лексической организации паремий и как элементов образно-семантического пространства тувинских загадок. Описываются номинации животных в собственно лингвистическом плане (место и объём зоокомпонентов в составе загадок, лексико-семантические связи и группы зоокомпонентов загадок, особенности отражения вариативности и синонимии зоокомпонентов в загадках) и в лингвокультурологическом плане (зоокомпоненты как репрезентанты образов животного мира, как маркеры традиционной культуры, как детерминанты народного мышления в тувинских загадках).

Ключевые слова: тувинский фольклор; тувинский язык; паремиология; загадка; образная семантика; фаунистическая лексика; зоолексема; зоокомпонент

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация).

Публикация выполнена благодаря гранту Главы Республики Тыва для поддержки молодых ученых Республики Тыва в 2023 году, научный проект «Разработка базы данных охотничьей лексики тувинского языка и его диалектов» (Российская Федерация).

Для цитирования:

Иванов Е. Е., Монгуш Ш. В. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

Монгуш Шенне Вадимовна — старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne2242@mail.ru

The world of wild animals and their images in Tuvan riddles

Eugene Eu. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation,

Shenne V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The objective of the research is to determine the main aspects of pursuance and issues of studying the animal naming system (animal lexis) in riddles of the Tuvan people in linguistic and linguoculturological terms. The factual basis of the study was editions of Tuvan riddles, as well as examples of riddles taken from collections and research works on Tuvan folklore.

The totality of lexical units in riddles is a subsystem of the Tuvan language and folklore that is specific in the linguistic and linguocultural aspects. Faunal lexical units comprise one of the universal thematic groups in the vocabulary of the language. Names of animals occupy a central position in it. In this regard, the most relevant (and the most difficult) is a comprehensive study of the system of names of objects of the animal world in riddles, which represents both the universal features of faunal vocabulary and the distinctness of the sphere of animalistic concepts in the ethno-linguistic worldview of the Tuvans.

The article deals with two main aspects of functioning of animal lexemes as components of lexical structure of paroemias as well as elements of the figurative and semantic space of Tuvan riddles. The authors describe the naming of animals in the linguistic aspect (place and volume of zoological components in the composition of riddles, lexical and semantic connections and groups of animal components of riddles, features of reflecting the variability and synonymy of such components in riddles) and in linguoculturological terms (zoo-components that represent images of the animal world, indicate traditional culture and determine the people's way of thinking in Tuvan riddles).

Keywords: *Tuvan folklore; Tuvan language; paremiology; riddle; figurative semantics; faunal lexis; zoo-lexeme; zoo-component*

Financing

The research was carried out with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project D.2-F/S2022 (Russian Federation).

The publication was prepared with support from the Head of the Republic of Tuva to promote young researchers of the Republic of Tuva in 2023, project "Development of a Database of Hunting Vocabulary of the Tuvan Language and Its Dialects" (Russian Federation).

For citation:

Ivanov Eu. Eu. and Mongush Sh. V. Mir dikikh zhivotnykh i ikh obrazov v tuvinskikh zagadkakh [The world of wild animals and their images in Tuvan riddles]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 65-83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

MONGUSH, Shenne Vadimovna, Senior Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: shenne2242@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0062-3331

Введение

Тувинские загадки стали собираться начиная еще с конца XIX в., когда в 1889 г. Н. Ф. Катанов записал 133 загадки, которые впоследствии были частично (46 единиц) опубликованы с переводами на русский язык в его «Опыте исследования урянхайского языка...» в 1903 г. (Катанов, 1903), а в полном объеме в составе сборника «Наречия урянхайцев (сойотов)...» вошли в «Образцы народной литературы тюркских племен», изданные стараниями академика В. В. Радлова в 1907 г. Первое отдельное собрание тувинских загадок «Тывызыктар» (305 единиц, составители А. К. Калзан и Д. С. Куулар) было издано в 1958 г.¹, второе под названием «Тыва улустуң тывызыктары» (536 единиц, составитель О. К.-Ч. Дарыма) — в 1976 г.², третье, более полное, «Тыва тывызыктар» (1121 единиц, составитель Г. Н. Курбатский) с переводами на русский язык — в 2002 г.³ (переиздано в 2021 г.⁴), а последнее, научное издание загадок «Тыва улустуң тывызыктары» (составитель А. Т. Дугаржап) увидело свет в 2011 г.⁵

Системное изучение тувинских загадок как одного из малых жанров тувинского фольклора началось спустя почти столетие, только в последней четверти XX в. Первая общая характеристика загадок была дана С. М. Сат в статье «Тывызыктар» (Сат, 1976), а наиболее целостное представление о жанровых особенностях загадок тувинского народа изложено в монографии Г. Н. Курбатского «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001: 334–442). В работах последнего времени получили освещение общие и специфические свойства жанра загадок в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии (Юша, 2021). Отдельные аспекты построения, образности и этнокультурного содержания загадок рассматривались на фоне иных малых жанров устно-поэтического творчества — пословиц, поговорок, примет, триад (Мижит, 2013; Соян, 2020; Монгуш, 2023). В новейших исследованиях тувинские загадки анализировались в плане сопоставления в них образов природы с русскими, татарскими и испанскими загадками (Чеснокова, Усманов, 2022а), а также пищевого кода культуры в сравнении с русскими загадками (Чеснокова, Усманов, 2022b). Вместе с тем мир животных и их образов до сих пор не был предметом специального исследования загадок тувинского народа.

Номинации животных и анималистические образы представляют собой универсальное свойство паремий и в своей совокупности репрезентируют систему представлений о фауне и об отношении человека к ней и отдельным ее особям в традиционной картине мира каждого народа. Так, чрезвычайно разнообразно представлена зоолексика в тувинских пословицах и поговорках, где «в качестве наиболее продуктивных способов создания анималистических образов выступают, во-первых, зооморфизм (наделение людей качествами животных), во-вторых, антропоморфизм (перенесение качеств человека на животных), в-третьих, уподобление условий жизни и качеств человека и животных» (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 58). В этом смысле актуальным является исследование зоономинаций и описаний животных не только в пословицах, но и в загадках, в которых окружающий мир отображается при помощи сложного взаимодействия образно-символических представлений и их ассоциативно-вербальных корреляций, восходящих к архетипическим стереотипам и древнейшим языковым метафорам.

Номинации животных в загадках используются в двух функциях: как денотаты загадок (ответ на загадку) и как компоненты загадок (элемент иносказательного сообщения о тех или иных свойствах, качествах, признаках того объекта, который зашифрован в загадке). В этом плане сам репертуар номинаций животных и их количественное и качественное соотношение в разных функциях в составе загадок не только указывает на характер и стилистические особенности употребления зоолексика в языке малых жанров фольклора, но и манифестирует место и роль представлений о тех или иных животных в этнической паремической картине мира.

Цель исследования — определить характер реализации номинаций животных дикой природы и особенности их образного описания в тувинских загадках (в лингвистическом и в лингвокультурологическом планах).

¹Тывызыктар [Загадки] / сост. А. К. Калзан, Д. С. Куулар. Кызыл, 1958. 60 с.

²Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тываның ном ундурер чери, 1976. 144 с.

³Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2002. 253, [1] с.

⁴Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 158 с.

⁵Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Аныяк, 2011. 255 с.

Фактическим материалом для исследования послужили 1121 загадка (в том числе 209 загадок о диких животных) из сборника Г. Н. Курбатского¹, в котором наиболее разнообразно представлены загадки тувинского народа. Для верификации структуры и языковых особенностей загадок (прежде всего в плане их вариативности) использовались материалы иных сборников загадок, а также примеры загадок из исследований тувинского фольклора.

Методологической базой исследования являются основные положения этнокультурологического направления в паремиологии как языковедческой дисциплины (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), теории и практики лингвокультурологического анализа паремий (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022а; Петрушевская, 2022; Иванов, 2023), концепции лингвокогнитивного анализа тувинских паремий (Иванов, 2022ab), а также новейших методов их этнокультурного изучения (Бредис и др., 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис, Иванов, 2022b; Ломакина, 2022; Петрушевская, 2023). Описание семантического и культурного пространства загадок базируется на новейших исследованиях загадки как фольклорного жанра (Ковшова, 2021; Мамедова, 2021; Орлова, 2022а; Чеснокова, Медведева, 2022), в том числе и в тувинском фольклоре (Юша, 2021; Чеснокова, Усманов, 2022ab), а также на изучении номинаций и образов животных в загадках различных народов мира (Ананьева, 2018; Дзюба, 2020; Файзуллина, Сюй 2022; Филиппова В., Филиппова С., 2022; Орлова, 2022b, 2023).

Номинации животных в тувинских загадках

В тувинских загадках номинации животных дикой природы наиболее полно и разнообразно представлены в качестве загадковых денотатов. Так, из 1121 загадки, проанализированных в исследовании, 209 (что составляет почти 19% от их общего количества, или каждая пятая загадка тувинского народа) посвящена миру животных (которые фигурируют в качестве отгадок по отдельности либо в различных комбинациях, а также в сочетании с иными объектами — номинациями условий обитания и добычи диких животных, названиями домашних животных, растений, частей тела человека и др.).

Всего в качестве денотатов тувинских загадок зафиксировано 85 видов животных, выраженных 89 зоолексемами (включая 3 гиперонима — *аң* ‘зверь’, *балык* ‘рыба’, *куш* ‘птица’, 4 стилистических синонима — *агыына* ‘белая куропатка’, *алды* ‘соболь’, *койгун* ‘заяц’, *үс* ‘рысь’, 1 наименование детеныша животного — *эзирик* ‘детеныш косули’, 2 эвфемизма — *кокай* ‘волк’, *хайыракан* ‘медведь’). При этом в загадках (как и вообще в тувинском языке) некоторые различные виды животных выражены одной зоолексемой (*ары* ‘пчела, оса’, *дүктүг-ары* ‘шмель, шершень’, *маас* ‘овод, слепень’, *чуңма* ‘козерог, горный дикий козел, тур’), а отдельные виды животных имеют два наименования по половому признаку (*буур* ‘лось-самец (сохатый)’, *элик* ‘косуля-самка’ и *хүлбүс* ‘косуля-самец’).

Ниже приводится список номинаций животных, которым посвящены тувинские загадки (с указанием количества употреблений — по убыванию): *балык* ‘рыба’ (25); *кодан*, *койгун* ‘заяц’ (17); *адыг*, *хайыракан* ‘медведь’ (9); *бөрү*, *кокай* ‘волк’ (9); *чылан* ‘змея’ (9); *диң* ‘белка’ (8); *ары* ‘пчела, оса’ (7); *сааскан* ‘сорока’ (7); *ховаган* ‘бабочка’ (7); *кымыска* ‘муравей’ (6); *тарбаган* ‘сурок (тарбаган)’ (6); *шартылаа* ‘саранча’ (6); *алак-таагы* ‘тушканчик’ (5); *алды*, *киш* ‘соболь’ (5); *иттик* ‘удод’ (5); *кускун* ‘ворон’ (5); *өрге* ‘суслик’ (5); *хек* ‘кукушка’ (5); *аңгыр* ‘огарь’ (4); *дилги* ‘лиса’ (4); *дырбактыг*, *үс* ‘рысь’ (4); *куш* ‘птица’ (4); *морзук* ‘барсук’ (4); *сыын* ‘марал-самец’ (4); *торга* ‘дятел’ (4); *хөөрүк* ‘бурундук’ (4); *эзир* ‘орел’ (4); *часкы* ‘летучая мышь’ (4); *аганак*, *агыына* ‘белая куропатка’ (3); *аспан* ‘кобылка’ (3); *буур* ‘лось-самец (сохатый)’ (3); *дээлдиген* ‘коршун’ (3); *кызыл-думчук* ‘клушица’ (3); *улар* ‘улар (горная индейка)’ (3); *ус-куш[каш]* ‘ремез’ (3); *хаван* ‘дикий кабан’ (3); *чээрэн* ‘антилопа джейран’ (3); *шаашкак* ‘пестрый овод’ (3); *ак-саргы* ‘клещ’ (2); *ас* ‘горностай’ (2); *аң* ‘зверь’ (2); *дуруя* ‘журавль’ (2); *дүктүг-ары* ‘шмель, шершень’ (2); *маас* ‘овод, слепень’ (2); *пага* ‘лягушка’ (2); *таан* ‘галка’ (2); *тооргу* ‘кабарга’ (2); *хүлбүс* ‘косуля-самец’ (2); *хүлчүк* ‘мошка’ (2); *чиргилчин* ‘крыса’ (2); *ымыраа* ‘комар’ (2); *элик* ‘косуля-самка’ (2); *бел* ‘таймень’ (1); *быт* ‘вошь’ (1); *дажырган* ‘таежная пищуха (грызун)’ (1); *дас* ‘гриф’ (1); *дедир-даван* ‘крот’ (1); *доос-кара* ‘жук’ (1); *иви* ‘олень’ (1); *кара кушкаш* ‘оляпка’ (1); *кара-дуруя* ‘черный журавль’ (1); *кара-быт* ‘блоха’ (1); *кара-куш* ‘глухарь’ (1); *кара-торга* ‘желна (черный дятел)’ (1); *көгө-буга* ‘голубь’ (1); *курт-чажар* ‘вольфартова

¹ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 158 с.

муха' (1); *күртү* 'тетерев' (1); *кырза* 'хорек' (1); *межерген* 'сова' (1); *мезил* 'налим' (1); *үгү* 'филин' (1); *чашкаадай* 'чибис' (1); *чуңма* 'козерог, горный дикий козел, тур' (1); *шагаан-теве* 'тарангул' (1); *шерги* 'кузнечик' (1); *шишжек* 'чиж' (1); *ыяш курту* 'короед' (1); *эзирик* 'детеныш косули' (1); *ээремчик* 'паук' (1).

Количественная представленность зоолексем и детерминируемый ею порядок наименований животных в корпусе загадковых денотатов являются уникальными (не могут повторяться в фольклоре разных народов), поэтому прямо и непосредственно репрезентируют организацию той фаунистической части этнической картины мира, которая отражена в загадках тувинского народа.

Номинации животных используются как компоненты тувинских загадок гораздо реже и менее разнообразно, чем в качестве отгадок. Так, из 1121 загадок, проанализированных в исследовании, в 90 (что составляет 8% от их общего количества, или в каждой двенадцатой загадке тувинского народа) функционируют компоненты-зоолексем, которые являются номинациями животных дикой природы.

Всего в качестве денотатов тувинских загадок зафиксировано 43 вида животных, выраженных 50 зоолексемами (включая 4 гиперонима — *адыр дуюглог* 'парнокопытный', *аң* 'зверь', *дуюглог* 'копытный', *куш* 'птица', 2 стилистических синонима — *койгун* 'заяц', *кокай* 'волк'). При этом, как и в случае с загадковыми денотатами, в составе компонентов-зоолексем загадок (как и в тувинском языке в целом) некоторые различные виды животных выражены одной зоолексемой (*курт* 'червяк, червь'), а отдельные виды животных имеют два наименования по половому признаку (*мыйгак* 'маралуха (марал-самка)' и *сыын* 'марал-самец').

Ниже приводится список номинаций животных, которые употребляются в тувинских загадках как компоненты-зоолексем (с указанием количества употреблений — по убыванию): *кускун* 'ворон' (6); *бөрү, кокай* 'волк' (5); *дилги* 'лиса' (5); *куш* 'птица' (5); *өдүрек* 'утка' (5); *чылан* 'змея' (5); *адыг* 'медведь' (4); *пар* 'тигр' (4); *сааскан* 'сорока' (4); *тарбаган* 'сурок (тарбаган)' (4); *дуюглог* 'копытный' (3); *мыйгак* 'маралуха (марал-самка)' (3); *чээрэн* 'антилопа джейран' (3); *элик* 'косуля-самка' (3); *арзылаң* 'лев' (2); *дээлдиген* 'коршун' (2); *кас* 'гусь' (2); *киш* 'соболь' (2); *кодан, койгун* 'заяц' (2); *күске* 'мышь' (2); *межерген* 'сова' (2); *морзук* 'барсук' (2); *сыын* 'марал' (2); *тоолай* 'заяц-русак' (2); *тооргу* 'кабарга' (2); *эзир* 'орел' (2); *ээремчик* 'паук' (2); *аганак* 'белая куропатка' (1); *адыр дуюглог* 'парнокопытный' (1); *аң* 'зверь' (1); *булан* 'лось' (1); *буур* 'лось-самец (сохатый)' (1); *даргый* 'даргый (один из видов уток)' (1); *дишң* 'белка' (1); *дуруяа* 'журавль' (1); *каарган* 'ворона' (1); *курт* 'червяк, червь' (1); *күжүген* 'таежная пищуха (грызун)' (1); *күртү* 'тетерев' (1); *кээрген* 'кедровка' (1); *маас* 'овод' (1); *мезил* 'налим' (1); *улар* 'улар (горная индейка)' (1); *ус-куш[каш]* 'ремез' (1); *хартыга* 'ястреб' (1); *хөкпеш* 'воробей' (1); *ховаган* 'бабочка' (1); *ымыраа* 'комар' (1).

Встречаемость и характер наименований животных в зоолексемах, используемых в качестве компонентов загадок, являются специфическими для фольклоров разных народов и поэтому могут служить для реконструкции фаунистической части этнической картины мира тувинцев, отображаемой в их загадках.

Номинации животных, которые используются в качестве компонентов текстов загадок, существенно отличаются от номинаций животных как загадковых денотатов своей образно-метафорической функцией, поэтому отражают не столько реалии животного мира и особенности его категоризации в языковом сознании тувинцев, сколько сложный комплекс ассоциаций и коннотаций в лексико-семантической подсистеме тувинского языка и ее этнокультурную специфику как основного средства вербализации языковой картины мира тувинского народа.

В этой связи весьма показательны различия как в составе, так и в количественном ранжировании номинаций животных как денотатов и компонентов загадок.

Так, только две трети компонентов-зоолексем встречается в качестве отгадок, при этом среди лексических компонентов загадок отсутствует такая наиболее продуктивная в качестве загадкового денотата зоолексема, как *балык* 'рыба' (встречается в 25 отгадках).

Нет в составе компонентов-зоолексем и номинаций таких животных, которым посвящено немало загадок, например, *ары* 'пчела, оса' (7 загадок), *кымысаяк* 'муравей' (6 загадок), *шартылаа* 'саранча' (6 загадок), *алак-таагы* 'тушканчик' (5 загадок), *итпик* 'удод' (5 загадок), *өрге* 'суслик' (5 загадок), *торга* 'дятел' (5 загадок), *хек* 'кукушка' (5 загадок), *аңгыр* 'огарь' (4 загадки), *дырбактыг*, *үс* 'рысь' (4 загадки), *хөөрүк* 'бурундук' (4 загадки), *часкы* 'летучая мышь' (4 загадки), *аспан* 'кобылка' (3 загадки), *кызыл-думчук* 'клушица' (3 загадки), *хаван* 'дикий кабан' (3 загадки), *шаашкак* 'пестрый овод' (3 загадки) и др.

В свою очередь, среди денотатов загадок не встречаются зоолексемы, которые выражают номинации таких значимых для традиционной тувинской охоты животных, как *өдүрек* ‘утка’ (объект охоты) и *хартыга* ‘сокол’ (помощник в охоте). Нет в составе загадковых денотатов и номинаций многих известных каждому тувинцу животных, названия которых используются в текстах загадок, например, *курт* ‘червяк, червь’, *күске* ‘мышь’, *тоолай* ‘заяц-русак’, *хөкпеш* ‘воробей’ и т. п. Не все из таких животных водятся в Туве, но их названия широко распространены в произведениях тувинского фольклора, например, *арзылаң* ‘лев’, *нар* ‘тигр’ и др. И что самое поразительное, ни одной загадки в тувинском фольклоре не посвящено такому роду животных, как *дуюглог* ‘копытный’ и *адыр дуюглог* ‘парнокопытный’, без которых весьма трудно представить себе не только повседневную жизнь кочевого народа, но и его выживание и благополучие (при этом номинации которых достаточно продуктивно используются в текстах тувинских загадок).

Выявленное непропорциональное соотношение номинаций животных в качестве отгадок и компонентов тувинских загадок отчасти объяснимо оппозицией лингвокультурологических факторов, которыми обусловлена тематика (предметная область) загадок как фольклорного жанра, и лингвокогнитивных факторов, детерминирующих план содержания и выбор вербальных средств его выражения в загадках (их логико-семантические и языковые особенности), однако требует отдельного исследования, а также верификации на широком материале загадок (как генетически и ареально близких, так и далеких лингвокультур).

Номинации животных в загадках используются, как уже говорилось выше, в специфических функциях, достаточно далеких от реальной речевой коммуникации, поэтому предметно-тематическая классификация зоолексемы в загадках не может в полной мере совпадать ни с научной таксономией живых существ, ни с аналогичным типом парадигматических отношений в лексико-семантической подсистеме тувинского языка, хотя и должна в известной степени с ними коррелировать.

В составе номинаций животных в тувинских загадках целесообразно выделить несколько предметных групп, исходя из их представленности как загадковых денотатов: насекомые, рыбы, птицы, парнокопытные, хищники, мелкие животные. Соответственно, загадки о животных дифференцируются по своей тематике аналогичным образом.

Наибольший интерес представляют загадки о птицах, парнокопытных, хищниках и некоторых мелких зверях в связи с тем, что многие из них были объектом охоты — основного традиционного вида промысла тувинского народа. Многие загадки о диких животных складывались охотниками, отражая определенный склад ума и характера человека, почитающего законы тайги, издревле устоявшиеся каноны и запреты охоты на зверя и птицу, хорошо знающего их повадки, тонко чувствующего и различающего мельчайшие детали их внешности, образа жизни и поведения в природе.

Загадки о птицах

Птицам посвящено 62 загадки (что составляет почти 6% от общего количество проанализированных единиц, или каждая восемнадцатая загадка), в которых номинации птиц представлены достаточно широко и разнообразно.

Исследование показало, что всего в денотатах загадок фигурирует 25 вида диких птиц, которым посвящено разное количество загадок (от одной до семи, при этом подавляющему большинству птиц — более одной загадки): *аганак*, *агыына* ‘белая куропатка’ (3); *аңгыр* ‘огарь’ (4); *дас* ‘гриф’ (1); *дуруя* ‘журавль’ (2); *дээлдиген* ‘коршун’ (3); *иттик* ‘удод’ (5); *кара кушкаш* ‘оляпка’ (1); *кара-дуруя* ‘черный журавль’ (1); *кара-куш* ‘глухарь’ (1); *көгө-буга* ‘голубь’ (1); *кускун* ‘ворон’ (5); *куш* ‘птица’ (4); *күртү* ‘тетерев’ (1); *кызыл-думчук* ‘клушица’ (3); *межерген* ‘сова’ (1); *сааскан* ‘сорока’ (7); *таан* ‘галка’ (2); *торга* ‘дятел’ (5); *улар* ‘улар; горная индейка’ (3); *ус-куш[каш]* ‘ремез’ (3); *үгү* ‘филин’ (1); *хек* ‘кукушка’ (5); *чашкаадай* ‘чибис’ (1); *шишжек* ‘чиж’ (1); *эзир* ‘орел’ (4).

Как известно, общая численность птиц, обитающих в Туве, составляет 330 видов, из которых 48 — очень редкие, а 34 — малоизученные (Кенин-Лопсан, 2021: 216). К таким редким и малоизученным птицам относится *кара-дуруя* ‘черный журавль’, первое гнездо которого было зафиксировано и описано только в 1974 г. (Пукинский, Ильинский, 1977: 6–7). Черному журавлю посвящена загадка *Буура ышкаш чоғдурлуг* ‘Как у верблюда, подгрудок’¹, в которой сравнивается внешний вид верблюда и

¹ Тувинские загадки = Тыва тывызыклар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 24.

птицы (подгрудок — отвислая кожа под шеей у некоторых животных), что говорит не только о весьма тонкой наблюдательности, но и об отличном знании анатомии черного журавля, птицы осторожной, избегающей открытых пространств и гнездящейся в глухих заболоченных местах.

Предметную группу «Птицы», отраженную в загадковых денотатах, можно дифференцировать в плане характеристики птиц по отношению их к охотничьему промыслу. Первую подгруппу составляют виды, на которые не охотятся вообще либо охота на которых запрещена народными традициями, вторую подгруппу — виды, служащие объектом охоты, третью подгруппу — виды, сопровождающие процесс охоты.

Первая подгруппа наиболее многочисленна в тувинских загадках, что является наиболее яркой этнокультурной особенностью отражения мира птиц в этнокультурной картине мира тувинского народа, поскольку несмотря на обилие и разнообразие степной, боровой и водоплавающей птицы в Туве большую часть пернатых в старину убивать не разрешалось, «их почитали как священных» (Кенин-Лопсан, 2021: 216).

Такое отношение к птицам заложено в древних верованиях тувинцев, в традиционном представлении которых Вселенная состоит из трех миров: *Курбусту ораны* — ‘Небесный’, *Чер* — ‘Земной’ и *Эрлик ораны* — ‘Подземный’ (или *Устүү оран* — ‘Верхний’, *Ортаа оран* — ‘Средний’ и *Алдыы оран* — ‘Нижний’).

Элементы устройства Вселенной отражены и в тувинских загадках о птицах: *Тып-тып*, // *Тылаастай*, // *Дылдыгыр кара* // *Тылаастай*, // *Ону тыппаан үш диптиң* // *Өгбегер кара маадыры* ‘Ищи-ищи’, // *Тылаастай*, // Крикливый черный // *Тылаастай*, // Его не нашел трех миров // Рыхлый черный богатырь’ (*дээлдиген* ‘коршун’)¹; *Алдыы черден (орандан)* // *Алдын баштыг кадын келди* ‘Из нижнего (подземного) мира // Золотоволосая ханша пришла’ (*аңгыр* ‘огарь’)².

Посредниками между Небесным и Земным мирами являются птицы. Именно поэтому птицы издревле считались духами-покровителями и помощниками шаманов, которые использовали перья различных птиц для украшения своей одежды. По перьям головного убора определяли степень величия каждого шамана или его намерения перед сеансом очередного камлания:

Мой головной убор с перьями черного орла,
 Мой головной убор с самнашами возвышается.
 Мой головной убор с перьями желтого филина,
 Мой головной убор с салбаком качается.
 Мой головной убор с перьями гордого сокола,
 На вид он страшен и грозен бывает.
 Мой головной убор с перьями коршуна,
 Он в воздухе как бы летает легче ветра.
 Мой головной убор с перьями сороки,
 Мой головной убор с рогами блестит.
 Мой головной убор волшебством славен,
 Потому что он с перьями ворона зоркого.

(Кенин-Лопсан, 1995: 147).

К священным птицам тувинцы традиционно относили таких, как *хек* — ‘кукушка’, *көге-буга* — ‘голубь’, *куу* — ‘лебедь’, *дуруяа* — ‘журавль’, *хараал* — ‘турпан’, *хамнаарак* — ‘жаворонок’, *сааскан* — ‘сорока’, *үгү* — ‘сова’, *эзир* — ‘орел’, *хартыга* — ‘сокол’, *дээлдиген* — ‘коршун’, *каарган* — ‘ворон’, *кээрген* — ‘кедровка’ и *торга* — ‘дятел’, которые все отражены в тувинских загадках.

Кроме этого, у тувинцев издавна существовал запрет на охоту на водоплавающих и перелетных птиц под влиянием ряда традиционных культов, один из которых был связан с обожествлением Воды и Солнца — сакральных символов многих тюркских народов (Даржа, 2009: 488). В тувинском языке можно встретить устойчивое выражение *чер-суг*, *ыдыктыг чер-суг* ‘земля-вода, священная земля-вода’, объясняющее отношение в том числе и тувинцев к тому, что способствовало, по их представлениям, возникновению жизни на земле. Так, Д. Б. Пюрвеев отмечает, что «в легендах племен Тюркского каганата (VII век) Вселенная возникает от соединения священного Голубого Неба (Көк Тенгри) с зем-

¹ Там же.

² Там же.

ной плотью, в образе богинь Жер-Су (Земля-Вода), обитавших на вершинах гор» (Пюрвеев, 2006: 20). Именно поэтому у воды запрещалось охотиться не только на птиц, но и на любых других животных.

Связь птиц и воды отражена в тувинских загадках о птицах: *Сүге дег боттуг, // Сүт далай ыыттыг* 'Сама, как топор, // Как молочное озеро, шумящая' (хек 'кукушка')¹; *Казыра дег боттуг, // Калчаа далай ыыттыг, // Сүге дег боттуг, // Сүрүүн далай ыыттыг, // Эргек дег боттуг, // Эр коңга ыыттыг* 'Сам, как двухгодовалый бычок, // С голосом, как бушующее море, // Сам, как топор, // С голосом, как штормовое море, // Сам, как большой палец, // С голосом звонким, как колокольчик' (*хайыракан* 'медведь', хек 'кукушка', *ары* 'пчела, оса')².

Объектами традиционной охоты тувинцев являются несколько птиц: *торлаа* 'куропатка', *күшкүл* 'рябчик', *өдүрек* 'утка', *кара-куш* 'глухарь', *күртү* 'тетерев', *тогдук* 'дрофа', *улар* 'улар, горная индейка'. Номинации этих птиц фигурируют в тувинских загадках.

Так, внешний вид птиц *кара-куш* 'глухарь', *күртү* 'тетерев' и явление токования, связанное с их особенностями жизни, ложится в основу загадки *Кырда кызыл көстүктүг // Кыстар, оолдар ойнады* 'На хребте в красных очках // Девушки, парни играют' (*күртүлөр болгаиш кара-куштарның ойнаары* — токование тетеревов и глухарей)³, в которой токование птиц олицетворяется с заигрыванием парней и девушек, а из внешних особенностей обеих птиц метафорически отмечаются ярко-красные брови (в загадке «красные очки»).

Эта загадка примечательна тем, что в ней отражена этнокультурная специфика традиционного охотничьего промысла тувинцев, поскольку самым популярным объектом охоты на птиц в Туве является *күртү* 'тетерев'. При этом охота на тетеревов происходила постоянно: летом охотились на току, зимой добывали из-под снега, где птица обычно прячется от ночного холода. В. К. Даржа так описывает процесс охоты на птицу: «Вылетевшие из-под снега тетерева ночью ничего не видят, потому тут же взлетают на стоящее рядом дерево и рассаживаются на нем. Охотник разжигал факел и, ослепив им сидящих на дереве птиц, сбивал палкой, либо стрелял в них из оружия» (Даржа, 2009: 489).

В то же время *кара-куш* 'глухарь' был объектом охоты достаточно редко, однако появление его в загадке вместе с тетеревом вовсе не случайно, поскольку глухарь у тувинцев считался «предвестником весны, его "песней" наслаждались как прелюдией наступления тепла», поэтому «охотились только на токующих самцов» (там же: 488), что и отражено в тексте загадки.

Особое значение в промысле охотники-тувинцы придавали птице *улар* 'улар (горная индейка)' — крупной птице с сероватыми перьями, с маленькой головой, короткой, толстой шеей, с сильными конечностями и коротким хвостом. Причиной популярности этой птицы среди охотников были мифы о целебной силе ее мяса, настолько сильной, что «человек, попробовавший его, сам становился носителем целебных свойств» (там же: 490). Значимость птицы в традиционной тувинской картине мира подчеркивает и упоминание о ней в камлании шамана: *Чаштан өскен Мөнгүн-Тайгам! // Чарашдаа сен, дошкун-даа сен. // Сарлык малдар, улар куштар // Сеңээ чассып чоруур болзун* 'Монгун-Тайга моя, где я вырос с детства, // Ты очень красива, и ты очень жестока. // Пусть и сарлыки, и птицы улары живут здесь, // Выражая благодарность тебе, моя вершина' (Кенин-Лопсан, 1995: 295). Повадки и образ жизни улара отражены в трех тувинских загадках.

Так, известно, что улар, будучи внимательной птицей, при приближении опасности начинает издавать громкие крики, похожие на ржание коня, на которые ориентируются не только его сородичи, но и другие обитатели гор. Именно поэтому улара тувинцы считают «одним из элементов "коллективной безопасности"», а для обозначения его крика используют выражение «*улар киштээр* 'улар кричит'» (Даржа, 2009: 489–490). На этой звукоподражательной особенности голоса птицы построена загадка *Даң бажында дай сарыым киштеди* 'На рассвете соловый мой конек проржал' (*улар* 'улар')⁴.

Особенности способов ночевки и передвижения улара нашли отражение в загадке *Уластайдан ушкан, // Узун дытка хонган. // Дамырактан тараан, // Даш бажы тепкен* 'Из Улясутая [город в Северной Монголии, где находилась ставка правителя Тувы] прилетевший, // На высокой лиственнице

¹ Там же.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

⁴ Там же.

переночевал. // Из родника во все стороны камни пинал' (улар 'улар', хүн херели 'улар, солнечные лучи')¹. В природе улары «стараятся подниматься снизу вверх по склону горы, чтобы в случае опасности, прыгнув с камня, тут же быстро спланировать вниз или в сторону» (там же: 489), в это время от силы толчка могут начать сыпаться камни. Способ размещения на высоких деревьях подчеркивает такое свойственное улару качество, как осторожность.

Вторую подгруппу номинаций птиц в загадковых денотатах составляют птицы, которые издавна использовались тувинцами и в качестве помощников в охоте. Были специально обученные охотничьи птицы (бүргүт 'беркут', хартыга 'сокол'), а также вольные птицы, поведение которых подсказывало охотнику, где и какая добыча его ожидает (кускун 'ворон').

В проанализированном материале не обнаружено загадок, посвященных непосредственно беркуту. Однако несколько тувинских загадок посвящено птице эзир 'орел', а беркут является, как известно, самым крупным орлом в семействе ястребиных, поэтому косвенно присутствует и в загадках.

Так, в загадке *Дээр оглу тейинде демдектиг, кудай оглу кудуруунда демдектиг* 'У сына Неба на темени отметина, у сына Небесного божества на хвосте отметина' (эзир 'орел')² подчеркивается величие орла, именуемого «сыном Неба», имеющим особые знаки на темени и хвосте. «Эзир — орел, символ гордости древних охотников-тувинцев» (Кенин-Лопсан, 1995: 147). Орел — это и символ любого тувинского мужчины. Самым красивым моментом традиционных мужских состязаний хуреш является исполнение борцами-хурешистами, одетыми в содак-шуудак, танца орла «деви́г», поэтому тувинцы говорят, восхваляя силу и красоту мужчины: *Эзирден ээлгир, хартыгадан кашпагай* 'Танцует как орел, ловок как сокол'.

Еще одним, пожалуй, «главным "помощником" охотника был ворон кукун» (Даржа, 2009: 352), поведение которого, как считалось, предвещало удачу или неудачу на охоте и поэтому отражено в многочисленных приметах и поверьях. Так, С. С. Сурун-оол в своем романе «Тывалаар кукун» пишет: «*Ондар-оол кукуннарга чалбарыыр хөөннүг кижги. Аң кедеп чорда, кукун дескинип-дескинип, шала ырады ужа бергеш, бир-ле каът бажында азы кожагар кырынга баргаш, чаргырткайнып туруптар болза, эки хайнып кээр*»³ 'У Ондар-оола есть такое — молиться воронам. Во время охоты, когда ворон начинает летать над охотником, крадущимся за зверем, останавливается на вершине высокой горы и там начинает кричать, то это к лучшему' (пер. Ш. В. Монгуш). На существовании этой приметы указывает и В. К. Даржа: «...если охотник выследил зверя и в это время подлетал и усаживался ворон — это был "знак удачи"» (Даржа, 2009: 340).

Образ ворона отражен в многочисленных тувинских загадках, среди которых наиболее показательны основанные на внешних характеристиках птицы: *Сыг-сыг чоруктуг, // Сыгдыгыр карактыг* 'Со стремительной ездой, // С узкими глазами' (кускун 'ворон')⁴; *Сыг-сыг чоруктуг, // Сыгыр кара карактыг* 'Со стремительным передвижением, // С узкими черными глазами' (кускун 'ворон')⁵; *Хап-хап кылаштаар // Кара саар идиктиг, // Теп-теп кылаштаар // Теве саар (сарыг) идиктиг* 'Хоп-хоп шагающий // В черных юфтовых сапожках, // Топ-топ шагающий // В верблюжьих юфтовых сапожках' (кускун 'ворон')⁶.

Как видим, птицы в тувинских загадках тесно связаны с традиционным мировосприятием и охотничьи промыслом, образы птиц в загадках основаны прежде всего на иносказательной передаче их внешнего вида, повадок, условий обитания.

Загадки о парнокопытных

Парнокопытные отражены в 22 загадках (что составляет почти 2% от общего количество проанализированных единиц, или каждая пятидесятая загадка), в которых номинации парнокопытных представлены достаточно скромно.

¹ Там же.

² Там же.

³ Сурун-оол С. С. Тывалаар кукун [Ворон, говорящий по-тувински]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. С. 7.

⁴ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же.

Как показало исследование, всего в денотатах загадок фигурирует 10 видов парнокопытных, которым посвящено различное количество загадок (от одной до четырех, причем подавляющему большинству отдельных видов — более одной загадки): *сыын* ‘марал-самец’ (4); *буур* ‘лось-самец (сохатый)’ (3); *хаван* ‘дикий кабан’ (3); *чээрэн* ‘антилопа джейран’ (3); *тооргу* ‘кабарга’ (2); *хүлбүс* ‘косуля-самец’ (2); *элик* ‘косуля-самка’ (2); *эзирик* ‘детеныш косули’ (1); *иви* ‘олень’ (1); *чуңма* ‘козерог, горный дикий козел, тур’ (1).

В загадках о парнокопытных отражены особенности каждого вида, а также мифопоэтические представления тувинцев, утилитарные потребности охотничьего промысла и связанные с ними приметы и поверья тувинского народа.

Так, в загадках отражена способность марала терять рога, а поскольку тувинцы знают, что панты марала остаются в той местности, где отвалились, охотники часто уходят за рогами в тайгу, чтобы обменять их на продукты или деньги: *Халыыр-оол халып чорааш, // Хайыраан кара эгээзин кагган* ‘Халыыр-оол, прыгая, // Свой дорогой черный напильник потерял’ (*сыын мыйызының дүжери* ‘падение рогов-пантов у марала’)¹; *Халыыр-оол халып чорааш, // Кадыг кара дүрбүүзүн каапкаш келген* ‘Халыыр-оол, прыгая, // Свой твердый чёрный рашпиль оставив, пришел’ (*аң мыйызының дүжери* ‘падение рогов-пантов у марала’)². Стоит отметить, что данный промысел и в настоящее время имеет весьма актуальное бытовое значение.

Воспроизводятся в загадках и особенности звуков, которые издают животные, и связанные с этим традиционные верования. Так, схожие звонкие голоса марала и кукушки легли в основу загадки об этих животных: *Казыра дег боттуг, // Каң далай ыттыг, // Сүге дег боттуг, // Сүт далай ыттыг* ‘Сам как двухгодовалый бычок, // Голос как у могучего моря. // Сама как топор, // С шумящим, как молочное озеро, голосом’ (*сыын* ‘марал-самец’, *хек* ‘кукушка’)³. Загадка легка, по ее содержанию нетрудно догадаться, что перифразы «бык с могучим голосом» — это марал, а «топор с шумящим голосом» — это кукушка. Обращение к реву марала и крику кукушки в загадке вовсе не случайно, поскольку древнее тувинское поверье гласит, что возможность первым услышать голос ревающего марала (как и кукование кукушки) сулит человеку счастье: «...кырган-авам хек үнү дыңнаар, сыын үнү дыңнаар деп чаңчылдыг улус. Оларны мурнап дыңнаан кижиги узун назылаар, аас-кежиктиг болур джигир» ‘... у бабушек была такая привычка, слушать пение кукушки и голос марала. Говорят, кто первым услышит их, у того будет долгая и счастливая жизнь’ (пер. К.-Э. К. Кудажы)⁴.

В основу загадок о косуле положены как внешний вид животного, так и его повадки. Так, внешние отличия самца и самки косули отражены в загадках: *Аргада ак хап чүктээн // Ашак кылаштап чор* ‘В тайге с белым мешком // На спине старик ходит’ (*элик* ‘косуля-самка’)⁵; *Коң-коң (ког-ког) ыттыг, // Коңдаалайында саадактыг* ‘С голосом кон-кон (ког-ког), // На крестце с сумкой’ (*элик* ‘косуля-самка’, *хүлбүс* ‘косуля-самец’)⁶. Привычку косули снимать кору с дерева отображает загадка *Чылдың-на шылбалаар, // Чаш шет шылбалаар, // Чаңгыс-даа чивес — // Чаңы ындыг кызаңай* ‘Каждый год снимать кору, // С молодого хвойного дерева снимать кору, // Ни разу не есть досыта — // Такая привычка у молниеносного’ (*хүлбүс* ‘косуля-самец’)⁷.

Образ лося в загадках строится на приеме сравнения с внешним видом и повадками других животных. Так, часто нрав этого животного сопоставляется с лошадей, однако отмечается, что лось выше лошади, в загадке *Аътка дөмей чаңныг, // Аъттан бедик сынныг* ‘Нрав как у лошади, // Стан выше лошадиного’ (*буур* ‘лось-самец’)⁸. Отмечается схожесть лося с верблюдом (копыта, как у верблюда) и с лошадей (нрав, как у лошади) в загадке *Тевезин мунган, // Деспизин дергилээн, // Аздын айыткан, // Алагазын азынган* ‘На своего верблюда сел, // Свое корытце приторочил, // Конем прикинул, // Свой молоток повесил’ (*буур* ‘лось-самец’)⁹, где своеобразной подсказкой является использование оборота

¹ Там же. С. 37.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кудажы К.-Э. К. Танды кежи [Таежные дары] : рассказы. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. 217 с. С. 208.

⁵ Тувинские загадки = Тыва тывызыклар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 36.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же.

молоток повесил, поскольку рога лося похожи на этот инструмент. В следующей загадке речь идет о том, что и лося, и марала отличает отсутствие хвоста и наличие красивых рогов, похожих на корень дерева: *Дадаазын дег кудуруун // Таңдызынга өргүпкен дег, // Тайга дег бажын // Дазыл алдынче сункан дег* 'Свой хвост, похожий на дадаазын, // Как будто тайге пожертвовал, // Свою голову, похожую на тайгу, // Как будто под корень сунул' (буур 'лось-самец', сыын 'марал-самец')¹.

Самым ценным у кабарги, по представлениям тувинцев, является *тооргу хини* 'кабарговая струя, мускус'², поэтому охота на кабаргу преследует прежде всего добычу ее мускуса. В далеком прошлом тувинцы кабарговую струю обменивали на товар. Эта традиция отражена во многих загадках тувинского народа о кабарге. Так, желчь животного сравнивается с серебром (*мөңгүн*) в следующих загадках: *Дагданаштың дагданажы // Даңза бажы мөңгүнүн алгаиш, // Даг ажыр халый берди* 'Гористый у гористого // С головки мундштука серебро взял, // Через гору перепрыгнул' (*эр тооргу* 'кабарга-самец')³; *Дыранмас оглум дырангаиш, // Даңза бажы дег мөңгүн алгаиш, // Тайгадыва халып үндү* 'Нерасчесывающийся мой сын расчесался, // Слово с головки мундштука серебро взял, // В тайгу побежал' (*тооргу* 'кабарга', *тооргу хини* 'кабарговая струя')⁴.

Таким образом, парнокопытные в загадках представлены четырьмя наиболее значимыми в охотничьем промысле видами (марал, косуля, лось, кабарга), а загадки с их номинациями в качестве денотатов построены на сравнении либо с другими животными, либо с металлическими предметами (что позволяет говорить о преимущественно промыслово-охотничьем влиянии на происхождение загадок такого рода).

Загадки о хищниках

Крупным и мелким хищникам посвящено 38 загадок (что составляет более 3% от общего количество проанализированных единиц, или каждая тридцатая загадка), в которых номинации хищников представлены достаточно исчерпывающе.

Исследование показало, что всего в денотатах загадок фигурирует восемь видов крупных и мелких хищников, которым посвящено сравнительно большое количество загадок (от одной до девяти, причем подавляющему большинству отдельных видов — более четырех загадок): *адыг*, *хайыракан* 'медведь' (9); *бөрү*, *кокай* 'волк' (9); *алды*, *киш* 'соболь' (5); *дилги* 'лиса' (4); *дырбактыг*, *үс* 'рысь' (4); *морзук* 'барсук' (4); *ас* 'горноста́й' (2); *кырза* 'хорек' (1).

Чаще всего в загадках встречается образ медведя, который описывается как огромное и невероятно могучее животное: *Арга бажы чыжыр-чыжыр, // Ашак мөге чиндиң-чиндиң, // Өзен бажы чыжыр-чыжыр, // Өшкү негей чиндиң-чиндиң* 'Вершины тайги гремят-гремят, // Старик-силач колышется-колышется, // Конец ложбины трещит-трещит, // Козий тулуп колышется-колышется' (*адыг биле чер хаваны* 'медведь и дикий кабан')⁵; *Черде Черзи-Мөге* 'На земле пахнувший землей силач' (*хайыракан* 'медведь')⁶.

Своеобразный портрет медведя представлен в загадке *Башкы буду майыжаңнаан, // Соңгу буду шою-жаңнаан, // Дүндерлиңнэн дүрзүнчүг, // Аңдарлыңнаан арынныг кулугур* 'Передняя нога косолапит, // Задняя нога заплетается, // С хмурым видом, // С переворачивающимся лицом плут' (*адыг* 'медведь')⁷.

О сложности побороть медведя говорится в загадке *Дай адым мунуп чадап, // Тал кымчым тудуп чадап* 'На своего коня-трехлетку сесть верхом не мог, // Свой тальниковый кнут удерживать не мог' (*адыг*, *чылан* 'медведь, змея')⁸, т. е. медведя невозможно оседлать, а змею сделать кнутом.

Схожей по смыслу можно считать и загадку *Демир кымчым тудуп чададым, // Дээрэг адым мунуп чададым* 'Свой железный кнут поймать не смог, // На своего вертлявого коня сесть не смог' (*чылан*, *адыг* 'змея, медведь')⁹, где змея сопоставляется с железным кнутом, а медведь — с вертлявым конем.

¹ Там же.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 416.

³ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 24.

Медведь упоминается и в загадках о восьми диких животных, которые залегают в берлогу: *Черде сес ижээр* 'На земле восемь залегают в берлогу на земле'¹, *Сес амытан черге ижээр* 'Восемь живых существ залегают в берлогу на земле'², ответом на которые являются *адыг, морзук, чылан, хөөрүк, кымыскаяк (часкы), өрге, тарбаган, алак-таагы* 'медведь, барсук, змея, бурундук, муравей (летучая мышь), суслик, сурок-тарбаган, тушканчик'.

В загадках о лисе внимание сосредотачивается на красивой внешности животного и способах его передвижения. Так, весьма часто определяющим компонентом загадок становится хвост лисы: *Хоор аздым хомду кудуруктуг* 'У моего каурого коня хвост словно вытянутый ящик' (*дилги* 'лиса')³; *Хоор аскырым хомду сөөртүп чор* 'Каурый мой жеребец вытянутый ящик волочит' (*дилги, дилгиниң, кудуруу* 'лиса, лисий хвост')⁴. Особенности внешнего вида лисы подчеркиваются и в загадке *Орук баспас ойтан каас* 'Не ступающая по дороге чванливая красавица' (*дилги* 'лиса')⁵, где лиса описывается как красавица, которая не ходит по дорогам.

На способе передвижения лисы основывается метафорический смысл загадки *Кылаш билбес кыс-кыл чаваам, саяк билбес сарыг чаваам* 'Ходьбу не признающий рыжий мой стригунок, иноходь не признающий соловый мой стригунок' (*дилги, койгун* 'лиса, заяц')⁶, в которой лису и зайца объединяет быстрый проворный бег, однако отличает характерный окрас шерсти.

На специфическом окрасе шерсти животного построены и загадки о барсуке, который на голове имеет продольную белую полосу: *Аргада ак хап чүктээн ашак кылаштап чор* 'В лесу с белым узелком на спине старик ходит' (*ак таңныг аң* 'зверь с белой родинкой (барсук)')⁷.

Смыслоразличительными компонентами загадок о барсуке является и место его обитания (*үңгүр* 'нора') в соединении с внешним видом животного, похожего по народным представлениям на дубину (*докпак* 'дубина'): *Үңгүр иштинде үстүг докпак, // Чадыр иштинде чаглыг докпак* 'В норе — масляная дубина, // В чуме — сальная дубина' (*морзук, чер хаваны* 'барсук, дикий кабан')⁸. Упоминание в загадке адъектива *үстүг* 'масляный' скорее всего обусловлено полезностью жира барсука (поэтому сравнение с маслом, как чрезвычайно почитаемым молочным продуктом у тувинцев).

А вот соболь в тувинских загадках, несмотря на красоту своего меха, не рассматривается с эстетической точки зрения. Тувинские загадки строятся на знании места обитания соболя, который живет и в горной, и в равнинной местности, преимущественно строя норы в гнилых бревнах или на заваленных буреломом участках: *Кедээр черге ирик чудук уялыг, иштик черге хомду хааржак ижэнниг* 'В нагорной местности — в гнилом бревенчатом гнезде, в долине — в продолговатой берлоге-ящичке' (*алды (киш)* 'соболь')⁹; *Баг шагда барба, бошка сыртыктыг, эки шагда коңгул, доорбаш сыртыктыг* 'В плохие времена переметная сума — подушка, в хорошие времена дупло и бревно — подушка' (*киш* 'соболь')¹⁰; *Дириг чорааш, ирик чудук уялыг, өлүг чыткаш, алдын ижээн чыдынныг* 'Когда жив, гнездится в гнилом бревне, когда мертв, лежит в золотой берлоге' (*киш* 'соболь')¹¹; *Дириг чорааш, ирик чудук аразынга чыдар, өлүп калгаш, алдын хааржак иштинге чыдар* 'Когда живой, среди гнилых лесин лежит, когда умрет, в золотом ящичке лежит' (*киш* 'соболь')¹².

Кроме этого, в загадках подчеркиваются отличительные черты соболя, одно из которых — выносливость: *Көп сыннап келдим, хөртүк кырлап келдим, даспы сыннап келдим, даш кырлап келдим* 'Через множество горных хребтов пришел, по сугробам пришел, по мягким сланцам, хребтам пришел, по камням пришел' (*киш* — 'соболь')¹³.

¹ Там же. С. 38.

² Там же.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Как видим, крупные и мелкие хищники описываются в тувинских загадках прежде всего на основании преимущественно наиболее характерных признаков своего внешнего вида и своих физических качеств, очевидных и весьма часто используемых в фольклоре разных народов, что не позволяет рассматривать загадки о хищниках как этнокультурно маркированные в фольклоре тувинского народа.

Загадки о мелких животных

Мелкие звери отражены в 53 загадках (что составляет почти 5% от общего количество проанализированных единиц, или примерно каждая двадцатая загадка), в которых номинации мелких животных представлены сравнительно разнообразно.

Как показало исследование, всего в денотатах загадок фигурирует 10 видов мелких зверей, которым посвящено различное количество загадок (от одной до семнадцати, причем подавляющему большинству отдельных видов — более четырех загадок): *кодан*, *койгун* 'заяц' (17); *дишң* 'белка' (8); *тарбаган* 'сурок (тарбаган)' (6); *алак-таагы* 'тушканчик' (5); *өрге* 'суслик' (5); *хөөрүк* 'бурундук' (4); *часкы* 'летучая мышь' (4); *чиргилчин* 'крыса' (2); *дажырган* 'таежная пищуха (грызун)' (1); *дедир-даван* крот (1).

Зайца, как одного из мелких зверей, в загадках в основном отгадывают по внешнему виду, обращая внимания на следующие внешние особенности:

— косолазие: *Доора майтак майыктыг, дозур далчыр карактыг* 'С косолапой стопой, с черными косыми глазами'¹;

— короткие передние лапы: *Кулугурнуң холу чолдак, кудургай куду маңы чок* 'У плута руки короткие, вниз по склону не бежит'²; *Холу чолдак эртип, кончуг дөшке хөлчок маңнаар* 'Хотя руки короткие, по крутому подъему хорошо бежит'³;

— косолапость задних лап: *Майыы-майыы майышкак, башкы буду майышкак, солуу-солуу солушкак, соңгу буду солушкак (шоюшкак)* 'Стопы-стопы искривленные, передние лапки — криволапки, семенит-семенит семенящими, задние лапки косолапые' (*кодан*, *коданның холу*, *буду* 'заяц, передние и задние лапы зайца')⁴;

— окрас шерсти зайца и его вкусное мясо: *Хөвөң дег ак дүктүг, хой дег чаагай эттиг* 'Как вата, с белой шерсткой, как овца, с вкусным мясом' (*кодан* 'заяц')⁵.

Среди загадок о зайце зафиксированы и такие, в которых части его тела сравниваются с анатомическими особенностями других животных: *Ыдын мунган, хоюн (өшкүзүн) чүктээн, тевезин четкен, аъдын хойлаан* 'На своей собаке верхом едет, свою овцу (козу) на спине тащит, своего верблюда ведет, своего коня за пазуху кладет' (*кодан*: *дөрт даваны, кудуруу, иштики органы, эрни* 'заяц: четыре лапы, хвост, внутренние органы, губы')⁶. При буквальном прочтении этой загадки образ зайца приобретает весьма многоаспектный анималистический характер: у него пасть, как у собаки, шерсть, как у овцы, нос, как у верблюда, а внутренности, как у лошади.

В аналогичной загадке *Тевезин сүрген, ыдын мунган (баскан), аъдын хойлаан, өшкүзүн четкен* 'Своего верблюда гонит, на своей собаке сидит, своего коня за пазуху кладет, свою козу на поводку ведет' (*кодан*: *эрни, кодузу, даваны, кудуруу* 'заяц: губы, желудок, лапы, хвост')⁷ соотносятся части тела зайца и других животных: здесь *коданның холу, буду* 'лапы', как у собаки, вместо *аксы* 'пасти'; *кудуруу* 'хвост', как у овцы 'козы', вместо *хой дүгү* 'шерсти овцы'.

В тувинских загадках о зайце традиционно акцент делается на скорости передвижения животного и рационе его питания: *Даалык-даалык чоруктуг, талдар карты чемиштиг* 'Галопом-галопом бегающий, тальниковую кору поедающий'⁸; *Сап-сайтык, шаандан чүгүрүк, сып-сыйтык, сыындан чүгүрүк* 'Хап-хап, издавна быстроногий, хоп-хоп, быстрее марала' (*кодан* 'заяц')⁹.

¹ Там же. С. 36.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же.

Еще одним непререкаемым персонажем тувинского фольклора является белка, загадки о которой строятся на отличительных особенностях ее тела: *Өөлөт оглунуң өөз ак* — букв. ‘У сына олётов брюшко белое’ (*диш* ‘белка’)¹; *Өөлей оолдуң өөз ак, калга оолдуң караа ак* ‘У Олей-оола брюшко белое, у Калга-оола глаза белые’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)²; *Өөлөттиң өөз ак, калганың караа ак* ‘У олётот брюшко белое, у калга глаза белые’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)³. При этом литературное *өөк* ‘брюхо’ в текстах загадок употребляется в разговорной форме *өөз* ‘брюшко’.

В загадках про белку указываются и места ее обитания — деревья и его части (при этом белка часто сопоставляется с рыбой): *Узун дыт бажында коргуй бижээчи бижик бижип ор* ‘На вершине лиственницы бесстрашный писарь письмо пишет’ (*диш* ‘белка’)⁴; *Тывызыым дытта (дыт коогду), тоолум дошта (дош коогду)* ‘Загадка моя на лиственнице, сказка моя подо льдом’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)⁵; *Тывызыым дыт бажынче үндү, тоолум дош алдынче кирди* ‘Загадка моя на вершину лиственницы поднялась, сказка моя под лед ушла’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)⁶.

Достаточно часто встречается в устном народном творчестве тувинцев и образ сурка, в том числе и в загадках.

Так, особенность сурка и некоторых других животных залегать в зимнюю спячку отмечается в загадке *Сес амытан черге ижээр* ‘Восемь живых существ залегают в берлогу на земле’ (*адыг, морзук, чылан, хөөрүк, кымысаяк (часкы), өрге, тарбаган, алак-таагы* — ‘медведь, барсук, змея, бурундук, муравей (летучая мышь), суслик, сурок, тушканчик’)⁷.

Ассоциация с местом обитания сурка актуализируется в загадке *Чарыкта чаглык докпак* ‘В расщелине — сальная дубина’ (*тарбаган* ‘сурок’)⁸; *Эл алдында эът докпак, чер алдында черзи докпак* ‘Под обрывом — мясная дубинка, под землей — сгнившая дубинка’ (*тарбаган, адыг* ‘сурок, медведь’)⁹; *Үңгүрде үстүг докпак, чарыкта чаглык докпак* ‘В норе — масляная дубинка, под землей — сгнившая дубинка’ (ответ: *тарбаган, адыг* ‘сурок, медведь’)¹⁰.

Таким образом, в загадках о мелких животных подчеркиваются прежде всего особенности строения их тела и места их обитания.

Заключение

Совокупность номинаций животных в загадках представляет собой весьма специфическую в собственно лингвистическом и в лингвокультурном аспекте подсистему языка тувинского фольклора. Фаунистическая лексика достаточно неплохо изучена как одна из универсальных тематических групп в словарном составе тувинского языка, однако еще недостаточно описана в фольклорных текстах, прежде всего в малых жанрах (в том числе и в загадках).

Комплексное исследование системы названий объектов животного мира в загадках позволило выявить как универсальные свойства зоолексики, так и своеобразие анималистической концептосферы в паремической картине мира тувинского народа.

Установлено, что в загадках зоолексема реализуются в двух основных аспектах — как компоненты лексической организации загадковых текстов и как часть их образно-семантического пространства, будучи представленными в качестве их денотатов. Номинации животных функционируют в 299 загадках, т. е. почти в каждой четвертой тувинской загадке. В тувинских загадках представлены номинации 128 видов диких животных (насекомых, рыб, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих), которые выражены 139 зоолексемами.

¹ Там же. С. 31.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Номинаций животных в тувинских загадках дифференцируются, исходя из их представленности в загадочных денотатах, на шесть основных предметных групп: насекомые, рыбы, птицы, парнокопытные, хищники, мелкие животные. При этом наибольший в этнокультурном плане интерес представляют загадки о птицах, парнокопытных, хищниках и мелких зверях, которые являются либо охотничьим объектом, либо частью охоты — основного традиционного вида промысла тувинского народа. В загадках о диких животных репрезентированы мельчайшие детали их внешности, образа жизни, повадок и поведения в природе, а также отражено мировоззрение тувинцев, издавна почитающих законы тайги и свято чтящих мир живой природы.

Перспективным для дальнейших исследований номинаций животных в тувинских загадках видятся такие аспекты, как реализация зоолексем в качестве образных средств описания человека, его быта и хозяйства, его духовной культуры. Актуальным также является дальнейшее изучение зоолексем как образного средства описания других животных. Конечной перспективой исследования номинаций животных в загадках видится построение парадигматической модели их подсистемы как части лексико-семантического пространства языка тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева, К. А. (2018) Аналогии образов животных в английских, испанских и русских загадках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 2 (791). С. 22–30.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 590 с.

Дзюба, Е. В. (2020) Когнитивные механизмы кодирования в русских загадках о животных // Когнитивные исследования языка. № 2 (41). С. 201–204.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского Казанского ун-та. [2], XLII, 488, LX с. (Приложение к Ученым запискам Императорского Казанского университета; 1902).

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Алгыши тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 528 с.

- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 248 с.
- Ковшова, М. Л. (2021) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропосоциальный код культуры. М. : URSS. 395, [1] с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 462, [2] с.
- Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Мамедова, В. Н. (2021) К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков) // Филологические науки в МГИМО. Т. 7, № 1 (25). С. 140–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>
- Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Издательство СО РАН. 138 с.
- Монгуш, Ш. В. (2023) Роль паремий в репрезентации концепта *охота* в тувинской лингвокультуре // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 758–762.
- Орлова, О. С. (2022a) Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямого номинации. М. : Ленанд. 240 с.
- Орлова, О. С. (2022b) «Четыре четверки, две растопырки...»: образ животных в русских народных загадках // Когнитивные исследования языка. № 4 (51). С. 762–767.
- Орлова, О. С. (2023) Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos. № 1 (22). С. 90–96. DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_90
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2022) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12, № 3 (50). С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>
- Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>
- Пукинский, Ю. Б., Ильинский, И. В. (1977) К биологии и поведению черного журавля в период гнездования (Приморский край, бассейн реки Бикин) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. 82, вып. 1. С. 5–17.
- Пюрвеев, Д. Б. (2006) Архитектура мироздания. М. : Альтекс. 312 с.
- Сат, С. М. (1976) Тывызыктар [Загадки] // Тыва улустуң аас-чогаалы [Очерки тувинского фольклора]. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. Ар. 115–131.
- Соян, А. М. (2020) Символика числа *уш* — ‘три’ в фольклоре и литературе тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 371–372. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>
- Файзуллина, Н. И., Сюй, Ж. (2022) Антропоморфная метафора в русской народной загадке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 12/3. С. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.37>
- Филиппова, В. В., Филиппова, С. В. (2022) Зооморфный код в фольклорных текстах (на примере якутских загадок) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 4 (30). С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.15.011>
- Чеснокова, О. С., Медведева, Е. С. (2022) Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 97–109.
- Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>
- Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Дата поступления: 21.06.2023 г.

Дата принятия: 27.07.2023 г.

REFERENCES

Ananyeva, K. A. (2018) Analogii obrazov zhitovnykh v angliiskikh, ispanskikh i russkikh zagadkakh [Analogies in animal images in English, Spanish and Russian riddles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (791), pp. 22–30. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovoriakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniye tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev. T. 1: Khoziaistvo. Okhota. Rybalka* [Traditional male occupations of the Tuvans. Vol. 1: Household. Hunting. Fishing]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 590 p. (In Russ.).

Dziuba, E. V. (2020) Kognitivnye mekhanizmy kodirovaniia v russkikh zagadkakh o zhitovnykh [Cognitive mechanisms of coding in Russian riddles about animals]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (41), pp. 201–204. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiiia i metodika vyivleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhitovnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Katanov, N. F. (1903) *Opyt issledovaniia uriankhaiskogo iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskogo kornia* [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial Kazan University. [2], xlii, 488, lx p. (Appendix to the Scientific Notes of the Imperial Kazan University; 1902).

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Algyshi tuvinskikh shamanov [Algyshs of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 528 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2021) *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskii kod kul'tury [A linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthroponymic code of culture]*. Moscow, URSS. 395, [1] p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 462, [2] p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mamedova, V. N. (2021) K voprosu o lingvokognitivnoi kvalifikatsii narodnykh zagadok (na materiale russkogo i azerbaidzhanskogo iazykov) [To the question of linguocognitive qualification of folk riddles (on the material of Russian and Azerbaijan languages)]. *Linguistics & Polyglot Studies*, vol. 7, no. 1 (25), pp. 140–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoii traditsionnoi kul'ture [Tuvan tercet: The triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Mongush, Sh. V. (2023) Rol' paremii v reprezentatsii kontsepta «okhota» v tuvinskoii lingvokul'ture [The role of proverbs in the representation of the concept “hunting” in Tuvan linguoculture]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 758–762. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2022a) *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoi i angloiazychnoi kul'turakh: printsip nepriamoi nominatsii [Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: The principle of indirect nomination]*. Moscow, Lenand. 240 p. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2022b) «Chetyre chetyrki, dve rastopyrki...»: obraz zhyvotnykh v russkikh narodnykh zagadkakh [“Chetyre chetyrki, dve rastopyrki...”: The image of animals in Russian traditional riddles]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 4 (51), pp. 762–767. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2023) Iazykovye i kul'turnye podskazki v zagadkakh (na materiale russkikh narodnykh zagadok o zhyvotnykh i ptitsakh) [Linguistic and cultural clues in riddles (based on Russian folk riddles about animals and birds)]. *Art Logos*, no. 1 (22), pp. 90–96. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_90

Paremiologiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) : A monograph / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022) Belorusskie paralleli vepsskikh poslovits: v poiskakh tipologicheskii obshchego i etnospetsificheskogo [Belarusian parallels of Vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3 (50), pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2023) Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Pukinski, Y. B. and Ilyinski, I. V. (1977) K biologii i povedeniiu chernogo zhuravlia v period gnezdovaniia (Primorskii krai, bassein reki Bikin) [On the biology and behaviour of *Grus Monachus Temm.* during the nesting period (Primorsky Krai, basin of the River Bikin)]. *Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series*, vol. 82, issue 1, pp. 5–17. (In Russ.).

Piurveev, D. B. (2006) *Arkhitektura mirozdaniia [Architecture of the universe]*. Moscow, Alteks. 312 p. (In Russ.).

Sat, S. M. (1976) Tyvyzyktar [Riddles]. In: *Tyva ulustuḡ aas-chogaaly [Essays on Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tyvanyḡ nom yndyrer cheri. Pp. 115–131. (In Tuvan).

Soyan, A. M. (2020) Simvolika chisla ush — ‘tri’ v fol'klоре i literature tuvintsev [Symbolism of the number three in Tuvan folklore and literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (83), pp. 371–372. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Fayzullina, N. I. and Xu Rong. (2022) Antropomorfnaia metafora v russkoi narodnoi zagadke [Anthropomorphic metaphor in the Russian folk riddle]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12/3, pp. 191–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.37>

Filippova, V. V. and Filippova, S. V. (2022) Zoomorfnyi kod v fol'klornykh tekstakh (na primere iakutskikh zagadok) [Animalistic code in folklore texts (on the example of the Yakut riddles)]. *Arctic XXI century. Humanities*, no. 4 (30), pp. 131–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.15.011>

Chesnokova, O. S. and Medvedeva, E. S. (2022) Leksiko-semanticheskie osobennosti meksikanskikh zagadok o flore [Lexical and semantic features of Mexican riddles about flora]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 97–109. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Obrazy prirody v tuvinskikh, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Zagadki o pishche v tuvinskoi i russkoi lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Yusha, Zh. M. (2021) Zhanr zagadki v fol'klоре tuvintsev Rossii, Kitaia i Mongolii [The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia*, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Submission date: 21.06.2023.

Acceptance date: 27.07.2023.